

Бориса Корнилова расстреляли в 30. В феврале исполняется 80 лет со дня его гибели. По нынешним меркам и обстоятельствам ему бы до 35-ти ходить в молодых поэтах.

Конечно, он не успел раскрыться полностью. Хотя лучшие стихи — “Соловьяха”, “Открытие лета”, “Вечер”, “Качка на Каспийском море” — свидетельство огромного дарования. Но что сказать о многочисленных стихах, написанных на “заданную тему”, восславлявших борьбу с кулачеством? “Семейный совет”, “Убийца”, “Сыновья своего отца” — натужные агитки, автор, похоже, не считал нужным работать над ними. Даже классово подкованные критики, которые должны были бы оценить пропагандистский эффект, отзывались о них уничтожающе: “Торопливейшая и безграмотная мазня”.

Нелёгкая задача — дать общую оценку столь разнородной поэзии. Массивный пласт дурных стихов нависает над ней, создаёт густую тень, мешая по достоинству оценить творчество одного из лучших поэтов 30-х годов. Наверное, поэтому оно до сих пор недостаточно глубоко исследовано и осмыслено.

Я зачитывался “Соловьяхой” в юности. Но, профессионально занявшись литературой 30-х, много лет не решался написать о Корнилове. Пока не нашёл ключевое слово, выговаривающее, на мой взгляд, суть его поэзии.

Молодость.

Не только возраст. Прежде всего — ощущение мира:

*Я ошалел от гама, свиста
и песни, рвущейся к окну, —
рубаху тонкого батиста
сегодня я не застегну.*

*Весь в летнем, словно в паутинах,
туда, где ветер над рекой, —*

*я парусиновый ботинок
шнурую быстрою рукой, —
туда, где зеленеет заросль,
где полводы срезает парус,
где две беды,
как полбеды,
где лето кинулось в сады...*

“Открытие лета”. 1934 год. Слово “молодость” не произнесено, но каждая деталь, поразительное телесное ощущение лёгкости, ветра, летнего кипения зелени и большой воды, динамика победительных слов — полногласно свидетельствуют о молодости.

А слова? Да их сколько угодно: молодость, молодой, молодая. Как пузырьки шампанского, они пронизывают стихи Корнилова. “Молодая моя голова” — 1927 год, раннее стихотворение, бесхитростно названное “В нашей волости”. А это на пять лет позднее: “Молодому сердцу моему”. Голос сына: “Только голос вечером услышал, // молодой, весёлый, золотой” (1935). И девушка поэта, понятно: “Хороша, молода, весела” (1933).

А вот коллективный портрет — “Поколение Октября” (1935): “Я речь о тех сегодня поведу, // кто молодостью славною украшен”. Моментальный снимок. А вот ещё:

*Я своему большому поколению
большое предпочтенье отдаю.
Прекрасные,
тяжёлые ребята...*

Они и в работе ударники (“Они на промыслах Биби-Эйбата, // и на пучине Каспия они”). Они и песни поют, разумеется, молодые:

*Мы песню поём,
Молодую поём
Под алыми вымпелами.*

Молодость для Корнилова — это смелость, веселье, свобода. Избыток сил человека и природы. Весна — конец весны, наступление лета:

*Яхта шла, молодая, косая,
серебристая вся от света —
гнутым парусом срезая
тонкий слой голубого ветра.
.....
Не хватало вёсел и лодок —
с вышек прыгали прямо в воду,
острой ласточкой пролетая
над зелёными островами,
и дрожала вода золотая,
вся исколотая прыгунами.*

Настрой Бориса Корнилова совпал с настроем времени. Кумир эпохи Эдуард Багрицкий восклицал:

*Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лёд.*

Да что поэзия! “Поколение Октября” сломало традиционное летоисчисление. По воле победителей его теперь вели с 1917 года — “начала мировой революции”. Молодыми были время, страна, люди.

Но даже на этом фоне Борис Корнилов выделяется. В стихотворении “Молодой день” (1936) слово “молодой” с вариациями повторяется 8 раз! “Лёгкой

осенью молодою // пахнет первое сентября”, – начинает автор. И в упоении провозглашает: “Только есть // молодой, // огромный, // каждой осенью жаркий день”.

“Молодые поэты” пишут стихи, а их сверстники освобождают землю от старых порядков:

*Поглядите —
и там, и тут,
на любовь и молодость право
отвоёвывая, идут.*

Шествие охватывает земной шар:

*За полками идут колонны,
перестраиваясь в каре,
и по улицам Барселоны,
и в Париже,
и в Бухаре.*

Бумажная идея теоретиков – мировая революция – под пером поэта преобразуется в торжество молодости:

*Чтобы наша одна шестая
стала целюю,
молодой.*

Конечно, с точки зрения бдительных стражей идеологии, такая внеклассовая апология молодости выглядела наивной. И всё же товарищ Корнилов мыслил в правильном направлении.

Если бы... Если бы не одна особенность его стихов. И не только стихов – мировоззрения.

В отличие от многих коллег по цеху, отрекавшихся от старины – косной, враждебной, – Корнилов не разрывал связи времён. Воспевая молодость, он не готов был рушить старину.

Нет, не защищал её – время не то!.. Это перед самой войной отношение к русской истории переменялось. Власть уразумела: без поворота к патриотизму Гитлера не одолеть. Один за другим выходят фильмы “Александр Невский” (1938), “Суворов” (1940), “Кутузов” (1943), “Иван Грозный” (1944), а роман “красного графа” Алексея Толстого “Пётр Первый” в 1941 году получает Сталинскую премию.

Хотя и этот поворот реабилитировал лишь давнее прошлое и его героев, но не Александров и Николаев, не Муравьёва-Амурского и Скобелева. Старина “ближняя” по-прежнему подлежала уничтожению.

Корнилов старался “соответствовать”. В его антикулацких стихах оппозиция “молодость–старость” намечена. Но вяло, без хищного вдохновения, диктуемого эпохой. Повторю: кажется, он сам не слишком серьёзно относился к таким стихам, оттого образы и речи кулаков в них откровенно шаржированы. В стихотворении “Семейный совет” решение бороться с колхозом принимает “самый старый, как стерва, зол”:

*И навеки пойдём противу —
бить под душу и под ребро —
не достанется коллективу
нажитое моё добро.*

Ходульные строки не трогали. А значит, не вызывали нетерпимости к классовому врагу.

Старая истина: в стихи надо вкладывать душу. Или не писать вовсе. Образчик ненависти дал тот же Багрицкий:

*Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
Он вздыбился над головою твоей —
Прими на рогатину и повали.*

Как боец идеологического фронта (а литературу мобилизовали на борьбу с кулаком: призыв “Песней бей” — не случаен) Корнилов был нестоек. Впоследствии его самого объявят “кулацким последышем” (статья Льва Плоткина, опубликованная в “Ленинградской правде” 18 марта 1937 года — за день до ареста поэта).

Он то и дело оглядывался на деревню, с которой его связывали бесчисленные живые связи — родовые, культурные.

Корнилов приехал в Ленинград в 1926 году из Семёнова, городка Нижегородской губернии. Казалось бы, новая жизнь должна была захватить его. Но до начала 30-х он почти ничего не писал о невской столице — так, разрозненные строки, где упоминается Ленинград.

Зато первое же стихотворение, привлёкшее к нему внимание знатоков и читателей, начинается с признания:

*Усталость тихая, вечерняя
Зовёт из гула голосов
В Нижегородскую губернию
И в синь Семёновских лесов.*

И ещё задушевнее — и непоправимее, с точки зрения ревнителей нового пролетарского искусства:

*Ты не уйдешь, моя сосновая,
Моя любимая страна!
Когда-нибудь, но буду снова я
Бросать на землю семена.*

В 1926 году Корнилов открывает стихотворение “Тройка” приговором былой жизни:

*Жить по-старому Русь моя кончила,
Дней былых
По полям не ищи,
На степях отзвенел колокольчик
И отпел свои песни ямщик.*

Автор клянётся “не жалеть” ушедшее:

*Я не буду жалеть никогда...
Что на сердце разгул не шевелится,
Что не ухарь задорный с лица,
Что в степи раскрасавица девица
Не целует в саях молодца.*

Поэт хочет убедить в своей приверженности новизне, но каждая строчка свидетельствует об обратном:

*Ой ли, тройка,
Разгульная тройка, —
Свищет ветер,
Поёт и скулит, —
Пронеслась ты, лихая и бойкая,
Как бывшее, пропала в пыли,
Отоснилась бывшая красавица...*

Однако прошлое не желало “пропадать в пыли”. В 1927 году написан “Лесной дом” об уходе из семёновских лесов:

*Я пошёл вперёд,
не взглянув назад —
на соломой покрытые хаты.*

*А когда ушёл,
знать, попутал бес, —
ничего не вижу я, кроме,
что за лесом дол,
а за долом лес
и в лесу притаился домик.*

Ещё драматичнее стихотворение “Чаепитие” (1930), также обращённое к деревне:

*И тяжко подумать — бродивший по краю
поёмных лугов, перепутанных трав,
я всё-таки сердце и голос теряю,
любовь и дыханье твоё потеряв.*

Говоря языком идеологии, это капитуляция. А на языке поэзии — обретение себя, своего голоса. Через боль. Через отчаяние. Через возвращение домой.

И тогда поэту открывается: “Деревня российская — облик России”. Это сейчас, фактически потеряв деревню, мы провозглашаем: “Поставьте памятник деревне”. А тогда, в 1930 году, когда начал раскручиваться маховик коллективизации, заявить, что деревня — “облик России”, было отчаянной смелостью. Уводившей Корнилова с накатанной дороги официальной литературы в “стан погибающих”.

Взамен поэту открываются дали родной истории, её “Старина” (так названо стихотворение 1927 года):

*Полон, Золотая Орда,
Былины про Ваську Буслаева.*

Открывается, а точнее, заново осмысляется в стихотворении “На Керженце” (1927) животворная связь с истоками:

*И на каждой лесной версте,
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
на медном прибита.*

Без глумления, с любовью сказано. Советский поэт так говорить не должен! В 1934-м — за три года до гибели — Корнилов написал стихотворение “Ёлка” (при жизни не опубликованное) — многоплановое произведение с иносказаниями и пророчествами.

Оно начинается с описания осеннего леса:

*Рябины пламенные грозди
и ветра голубого вой,
и небо в золотой коросте
над неприкрытой головой.
И ничего —
ни зла, ни грусти.
Я в мире тёмном и пустом,
лишь хрустнут под ногами грузди,
чуть-чуть прикрытые листом.*

Вымороченная чащоба становится миром зла и гибели:

*Здесь всё рассудку не знакомо,
здесь делай всё — хоть не дыши,
здесь ни завета,
ни закона,
ни заповеди,
ни души.*

Когда в 1937 году поэта арестовали по обвинению в том, что он “занимается активной контрреволюционной деятельностью, является автором контрреволюционных произведений и распространяет их, ведёт антисоветскую агитацию”, его стихи отдали на экспертизу. Её проводил литературовед Николай Лесючевский (впоследствии главный редактор издательства “Советский писатель”), особое внимание он уделил стихотворению “Ёлка”: “В нём Корнилов, верный своему методу двурушнической маскировки в поэзии, даёт якобы описание природы, леса. Но маска здесь настолько прозрачна, что даже невооружённому глазу становится полностью ясна откровенная контрреволюционность стихотворения. Написанное с большим чувством, с большим темпераментом, оно является враждебным. . .” (www.proza.ru. Поэт Борис Корнилов. Расстрелян. Подозревался в. . .). И далее ссылка на уже приведённые строки.

Может быть, эксперт ошибся, что часто бывало в подобных случаях: задача изобличить “врага” побуждала превратно толковать текст? Нет. Слишком красноречивы трагические строки:

*...Ну, живи,
расти, не думая ночами
о гибели и о любви,
что где-то смерть,
кого-то гонят,
что слёзы льются в тишине...*

Какой уж тут лес! Это та самая жизнь, которую Корнилов пытался представить торжеством ликующей молодости. И он снова повторяет дорогое ему слово в финале стихотворения – но в каком контексте!

*Уйду из этой жизни прошлой,
весёлой злобы не тая,
и в землю втоптана подошвой —
как ёлка — молодость моя.*

* * *

“...Злой и молодой и непослушный”, – сказал о себе Борис Корнилов. Поэты такого склада часто ходят по краю гибели. И по краю бессмертия.